

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-130-143>
УДК 94(47).084.3

**СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В СССР
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ПО СТРАНИЦАМ СЛУЖЕБНОГО ДНЕВНИКА
Н. Г. ПАЛЬГУНОВА (1941–1942 ГГ.)**

В. А. Невежин

*Институт российской истории РАН,
ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено актуальной проблеме повседневной политической жизни сотрудников Народного комиссариата иностранных дел СССР в период Великой Отечественной войны. Новизна статьи заключается в том, что изучаемая проблема является малоизученной, а целый ряд документов вводятся в научный оборот впервые. **Материалы и методы.** Основными источниками послужили документальный комплекс Архива внешней политики РФ. Методологической основой исследования явились общенаучные, специальные исторические и источниковедческие методы. **Результаты.** Одной из составляющих повседневной политической жизни советского дипломата Н. Г. Пальгунова, возглавлявшего в 1941–1942 гг. Отдел печати Народного комиссариата иностранных дел, являлись контакты с иностранными корреспондентами (инкорами), представлявшими СМИ стран – союзников СССР по антигитлеровской коалиции – Великобритании и США. Инкоры стремились получать актуальную информацию о военных усилиях Советского Союза и вкладе его граждан, находившихся в тылу в оборону страны. Однако получение подобной информации затруднялось наличием строгой политической цензуры в СССР. Острая конкуренция между представителями СМИ Великобритании и США усугубляла ситуацию. В создавшихся условиях Н. Г. Пальгунов выступал в роли своеобразного рефери, к которому они постоянно обращались за помощью, как в деле получения сведений о ситуации на фронте, так и по вопросам устройства своего быта. **Заключение.** Опираясь на не опубликованный служебный дневник Н. Г. Пальгунова за 1941–1942 гг. автор данной статьи уточнил персональный состав иностранных корреспондентов Великобритании и США, аккредитованных в СССР в тот период. Опираясь на этот источник, который использовался в совокупности с мемуарами Пальгунова, в статье представлена реальная картина взаимоотношений Отдела печати НКВД с инкорами. При этом автор акцентировал внимание на таких сюжетах, как специфика деятельности иностранных журналистов в Москве и в Куйбышеве, организациях их поездок во фронтную зону. Выявлены причины негативного отношения к Н. Г. Пальгунову, который обвинялся ими в бюрократизме и некомпетентности.

Ключевые слова: Великая Отечественная войны, антигитлеровская коалиция, повседневная жизнь, иностранные корреспонденты, Н. Г. Пальгунов, служебный дневник.

Для цитирования: Невежин В. А. Советский дипломат и иностранные корреспонденты в СССР в условиях войны: по страницам служебного дневника Н. Г. Пальгунова (1941–1943 гг.) // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-130-143

Статья поступила: 14.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12. 2023

© Невежин В., 2023

SOVIET DIPLOMAT AND FOREIGN CORRESPONDENTS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THROUGH THE PAGES OF PALGUNOV'S OFFICE DIARY (1941-1942)

Vladimir A. Nevezhin

Institute of Russian History RAS,

st. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russia

Abstract

Introduction. This study is concerned with a problem of current interest, namely, the everyday political life of workers at the USSR Peoples' Commissariat of Foreign Affairs during the Great Patriotic War. The novelty of the present study lies in the fact that the problem has been little investigated, while several documents are thereby introduced into general use for the first time.

Materials and methods. The sources were the document complex in the Archive of Foreign Politics of the Russian Federation. The methodology is based on general scholar, special historical and source studies methods. **Results.** One of the components in the everyday political life of the Soviet diplomat Palgunov, who headed the Press Department in the Peoples' Commissariat of Foreign Affairs, consisted of contacts with foreign correspondents who represented the mass media of the Allies, namely, Great Britain and the US. The correspondents were eager for getting the information concerning the war effort of the Soviet Union and the contributions into the defense of the country on the part of its citizens in the rear. However, this was hindered by the presence of strict political censorship in the USSR. The situation was aggravated by acute competition between British and American correspondents. Given these conditions, Palgunov acted as a kind of referee who was called upon to aid, both in obtaining information on the situation on the front and for help in the needs of their everyday life. **Conclusions.** The present author used the unpublished job diary of Palgunov for 1941–1942 to get a more accurate list of the British and American correspondents who were accredited in the USSR during that period of time. When combined with Palgunov's memoirs, this source was used to present a true picture of how the Press Department was interacting with foreign correspondents. This author emphasized subjects such as the peculiarities in the activity of foreign correspondents in Moscow and Kuibyshev and in questions relating to the organization of their trips to the front zone. It has been found why they blamed Palgunov for bureaucracy and incompetence.

Keywords: Great Patriotic War, anti-Hitler coalition, everyday life, foreign correspondents, Palgunov, office diary.

For citation: Nevezhin V. Soviet diplomat and foreign correspondents in the USSR during war: through the pages of an Palgunov's office diary (1941-1942) In *History: facts and symbols*. 2023, 37, 4, pp. 130-143 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-130-143

Received: 14.07.2023

Revised: 29. 10.2023

Published: 19.12.2023

© Nevezhin V., 2023

1. Введение

Проблема изучения истории повседневной политической жизни советских дипломатов в период Великой Отечественной войны является актуальной научной проблемой. Она позволяет раскрыть объективную картину межсоюзнических отношений, оценить вклад Народного комиссариата иностранных дел в достижении победы над фашистской Германией.

В период Великой Отечественной войны советские дипломаты выполняли важную миссию по осуществлению контактов и связей с представителями союзных СССР государств в интересах общей Победы над нацистской Германией и ее сателлитами.

Львиную долю повседневной служебной деятельности советских дипломатов в годы войны составляла их довольно разнообразная, если не сказать, рутинная работа. Одним из направлений этой работы было повседневное общение с иностранными корреспондентами. Данный сюжет частично освещен в исследовательской [6; 7; 8; 15] и в мемуарной литературе [4; 5; 9; 10; 11; 13; 14].

Однако еще не все аспекты изучаемой проблемы изучены в достаточной степени. Благодаря введению в научный оборот новых архивных документов представляется возможным расширить исследовательский горизонт.

2. Материалы и методы

Данная статья посвящена локальной теме, однако дает возможность исследовать ранее не известные подробности из повседневной политической жизни руководящего состава одного из важных структурных подразделений НКВД – Отдела печати. В научный оборот впервые вводятся материалы служебного дневника заведующего этим отделом Н. Г. Пальгунова, которые сохранились в фонде 06 (Секретариат наркома В. М. Молотова) Архива внешней политики Российской Федерации. В нем зафиксированы записи бесед Пальгунова с иностранными корреспондентами за периоды: с 3 января по 31 декабря 1941 г. (Оп. ЗАВТО. П. 6. Д. 58); с 8 января по 28 апреля 1942 г. (оп. 4. П. 12. Д. 112); 7 апреля – 2 мая 1942 г. (Оп. Оп. 4. П. 12. Д. 111).

Наряду с этим источником в статье использовались документальные публикации по истории взаимоотношений СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции, а также мемуары участников событий.

Методологической основой исследования явился комплекс общенаучных, специальных исторических и источниковедческих научных подходов. Микроисторический подход позволил исследовать подробности повседневной политической жизни Н. Г. Пальгунова в контексте его сложных и неоднозначных взаимоотношений с иностранными дипломатами в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.).

3. Результаты

В период Великой Отечественной войны советские дипломаты выполняли важную миссию по осуществлению контактов и связей с представителями союзных СССР государств в интересах общей Победы над нацистской Германией и ее сателлитами. Львиную долю их повседневной служебной деятельности составляла довольно

разнообразная, если не сказать, рутинная работа. Одним из направлений этой работы было повседневное общение с иностранными корреспондентами.

По итогам своих встреч с ними Н. Г. Пальгунов вел краткие поденные записи, которые затем распечатывались, а их копии направлялись народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову, его заместителям (А. Я. Вышинскому, С. А. Лозовскому, В. Г. Деканозову), генеральному секретарю НКВД А. А. Соболеву, а также А. С. Щербакову.

Всего в служебном дневнике Н.Г. Пальгунова за период с 22 июня 1941 по 2 мая 1942 гг. такого рода записей начитывается около 170 [1-3]. Объем каждой из них составлял от 1 до 3–4 машинописных страниц. Записи велись в Москве и в Куйбышеве (куда во второй половине октября 1941 г. направились инкоры вслед за членами дипломатического корпуса).

Пальгунов фиксировал: день и час приема каждого конкретного инкора; суть его просьбы или содержание сообщенной информации, а также смысл принятого решения. Нередко бывало и так, что Н. Г. Пальгунова посещали со своими просьбами одновременно сразу несколько английских и американских журналистов.

В непосредственном подчинении народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова к началу Великой Отечественной войны находилось 641 человек, а ко времени ее завершения штат НКВД составлял 755 человек.

В его структуре состояло полтора десятка отделов. Одни из них (территориальные) ведали взаимоотношениями с конкретными группами стран (например, Четвертый Европейский, Американский). Другие (функциональные) занимались различными профильными вопросами организации работы НКВД, например, Протокольный отдел, Отдел печати и другие.

Отдел печати контролировал распространение информации, касавшейся международных событий. Он работал в тесном контакте с Телеграфным агентством СССР, Радиокomiteетом, советскими и зарубежными средствами массовой информации. В годы войны это структурное подразделение НКВД фактически находилось в подчинении Советского информационного бюро (Совинформбюро), которое возглавлял кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков.

Как уже отмечалось, специфика деятельности Отдела печати состояла в том, что в период Великой Отечественной войны его руководитель Н. Г. Пальгунов среди прочего отвечал за работу с аккредитованными иностранными корреспондентами, находившимися в СССР (инкорами).

Н. Г. Пальгунов родился в 1898 г. в Петербурге в бедной многодетной семье, глава которой из деревни перебрался на жительство в столицу. До революции 1917 г. Пальгунов окончил четырехклассное высшее начальное, а затем реальное училище. В советское время он прошел курсы журналистов-международников. С 1929 по 1940 гг. работал в Иране, Финляндии и Франции в качестве корреспондента ТАСС. Самостоятельно изучил несколько иностранных языков (немецкий английский, французский, фарси).

По возвращении в СССР 23 июня 1940 г. Н. Г. Пальгунов решением Секретариата ЦК ВКП(б) был назначен исполняющим обязанности заведующего Отделом печати НКВД, а 17 июня 1941 – возглавил этот отдел.

Корпус инкоров союзных стран, работавших в СССР, в период Великой Отечественной войны значительно пополнился. Н. Г. Пальгунов отмечал, что после нападения Германии на СССР, в условиях складывания антигитлеровской коалиции, наблюдался «бурный наплыв» в советскую столицу «видных иностранных газетных репортеров, направлявшихся сюда в качестве военных корреспондентов» [11, с. 239].

В таблицах № 1 и № 2 представлены сводные данные о британских и американских журналистах, работавших в Москве и Куйбышеве в 1941–1942 гг.

*Таблица № 1**Британские корреспонденты, работавшие в контакте с Отделом печати НКВД (1941–1942 гг.)**Источник: Составлена автор на основании указанных в тексте статьи архивных документов и мемуарной литературы**Tables 1**British correspondents, working in contact with the People's Commissariat for Foreign Affairs Press Department (1941–1942)**Source: Compiled by the author on the basis of archival documents and memoirs indicated in the text of the article*

Фамилия и имя	Название информационного агентства или газеты
Бланден, Годфри	«Аустралиен Консолидейтед Пресс», «Ивнинг Стандарт»
Верт, Александр	«Санди Таймс»
Винтертон, Пауль	«Ньюс Кроникл»
Инкпин, Артур	«Раша Тудей»
Кинг, Гарольд	«Рейтер»
Ловелл, Морис	«Рейтер»
Магидов, Роберт	«Эксчендж Телеграф»
Мак Лафлин, Эрик	«Дейли Экспресс», «Сидней Морнинг Геральд»
Паркер, Ральф	«Таймс», «Нью-Йорк Таймс»
Турнер, Бернард	«Дейли Геральд», «Давар» (Тель-Авив)
Фарсон, Джеймс	«Дейли Мейл»
Хандлер, Майер	«Бритиш Юнайтед Пресс»
Чоллертон, Альфред	«Дейли Экспресс»

*Таблица № 2**Американские корреспонденты, работавшие в контакте с Отделом печати НКВД (1941–1942 гг.)**Источник: Составлена автор на основании указанных в тексте статьи архивных документов и мемуарной литературы**Table 2**American correspondents, working in contact with the People's Commissariat for Foreign Affairs Press Department (1941–1942)**Source: Compiled by the author on the basis of archival documents and memoirs indicated in the text of the article*

Фамилия и имя	Название информационного агентства или газеты
Вивер, Джанет ¹	«Интерконтинент Ньюс»
Керр, Вальтер	«Нью-Йорк Геральд Трибюн»
Кэссиди, Генри	«Ассошиэйтед Пресс»

¹ Литературный псевдоним журналистки Джони Эльси Уэст – В.Н.

Лесур, Ларри	«Коламбия Бродкастинг Систем»
Стил, Арчибальд	«Чикаго Дейли Ньюс»
Шапиро, Генри	«Юнайтед Пресс Интернейшнл»

Наряду с «буржуазными, капиталистическими», как их называли в СССР, корреспондентами при НКВД были также аккредитованы представители Информационного агентства Коминтерна «Сервис Юниверсаль де ля Пресс» («Супресс») (в частности, его заведующий австрийский коммунист Фриц Глаубауф), а также корреспондент английской газеты левой ориентации «Дейли Телеграф» Джон Гиббонс. С 21 января 1941 г. по 7 сентября 1942 г. эта газета находилась под запретом британского правительства.

Следует отметить наличие специфики в служебной деятельности инкоров, с которыми доводилось повседневно общаться Пальгунову в военные годы. Одни из них являлись сотрудниками мощных транснациональных агентств с многолетними традициями распространения информации по всему миру («Ассошиэйтед пресс», «Рейтер», «Юнайтед Пресс»). Другие действовали как корреспонденты различных газет («Таймс», «Нью Йорк Таймс» и т.д.).

Близкое знакомство с записями в служебном дневнике Пальгунова за 1941–1942 г. позволяет сделать определенные выводы, касающиеся состава иностранного корреспондентского корпуса и настроений, царивших в нем.

Уже 22 июня 1941 г. инкоры Великобритании, США, Франции заявили о своей готовности распространять информацию о сопротивлении СССР, который они рассматривали как союзника, его армии и народа германской агрессии [12, док. 42, с. 139-131].

2 июля 1941 г. к Н. Г. Пальгунову явился Альфред Чоллертон, который сообщил о намерении английского посольства в Москве назначить его пресс-секретарем. Он также заявил Пальгунову о своем намерении «передать обильную информацию о Советском Союзе для нужд английского министерства иностранных дел и английского министерства информации». «Я хотел бы, – продолжал Чоллертон, – передавать информацию, написанную в самых “горячих тонах”, такую информацию, которая могла быть противопоставлена германской пропаганде». Поскольку подобная информация «будет исходить от посольства [Англии], я не думаю, чтобы она должна была просматриваться цезурой Отдела печати», – выразил надежду Альфред Чоллертон [1, л. 147].

Между тем дальнейшие события показали, что в отношении инкоров была установлена жесткая цензура в доступе к информации. Например, тексты подготовленных инкорами информационных материалов (телеграмм) предварительно самым внимательным образом просматривались в Отделе печати лично Н. Г. Пальгуновым и его референтами, причем порой из представленных текстов вычеркивались целые абзацы, а в результате выходило всё содержание. Далее телеграммы инкоров попадали к В. М. Молотову, который окончательно визировал их перед отправкой за рубеж.

Иностранцы просто ненавидели Н. Г. Пальгунова за жесточайшую цензуру и за необязательность, поскольку считали, что именно он интервью и поездки. Он привлекал к работе в качестве цензоров сотрудников НКВД, не имевших опыта общения с европейцами или американцами. Отдел печати был в основном укомплектован дипломатическими работниками, ранее служившими в Китае и Японии. В своей повседневной деятельности они использовали словарь в качестве главного помощника, имея дело с англоязычными текстами. Вызывавшие их подозрение слова и выражения, встречавшиеся в телеграммах инкоров, которые не удавалось найти в словаре, беспощадно вычеркивались референтами-цензорами.

Журналистов по существу вынуждали писать примитивным языком начальных классов школы. После этого они садились рядом с цензорами, пытались разъяснить, что именно подразумевалось в той или иной фразе.

С разрастанием количества военных журналистов референты Отдела печати НКВД работали буквально на износ, круглыми сутками вычитывая телеграммы, поскольку требовалось поторопиться переслать их к утреннему выпуску иностранных газет [6, с. 98].

Подобный порядок работы, установленный советской цензурой для иностранных журналистов, явно приходился им не по нраву. Они особо не утруждали себя в поисках виноватых в создавшейся ситуации. Своеобразным козлом отпущения для них являлся заведующий Отделом печати НКВД, о чем свидетельствуют некоторые исследования [6; 7; 8].

В мемуарах инкоров Н. Г. Пальгунов представал в довольно неприглядном виде. Так, Эдди Гилмор давал ему следующую характеристику: «Пальгунов [...] удивительный человек. Независимо от того, какие затруднения возникают у других официальных лиц, независимо от того, как резко изменяется линия партии, он продвигается» [9, с. 67].

Инкоры были уверены, что даже советские коллеги боялись Пальгунова, считая, что он имел большие связи в ЦК ВКП(б) [6, с. 98].

Н. Г. Пальгунов следующим образом пытался оправдать строгие цензурные ограничения, установленные для инкоров в военных условиях: «Журналисты отправляли телеграммы на родном языке – английском, французском, китайском, испанском, чешском, японском, польском...

Цензура осуществлялась отделом печати и была открытой: автор телеграммы знал, что именно вычеркнул цензор из его сообщения и, если он придавал вычеркнутому большое значение, мог в ряде случаев договориться с цензором о новой формулировке его» [11, с. 243].

Недостаток информации о боевых действиях Красной армии на советско-германском фронте и повседневной жизни в советском тылу не могли компенсировать периодические пресс-конференции для иностранных корреспондентов, которые давал заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский с 28 июня 1941 г. по 23 апреля 1942 г. в Москве и в Куйбышеве. Однако данные мероприятия по существу не имели желаемого эффекта, поскольку их организаторы действовали по заранее заготовленному «сценарию» и в результате оставались без ответа наиболее острые вопросы инкоров, связанные с ходом боевых действия Красной армии на советско-германском фронте. По окончании пресс-конференций журналисты союзных стран неизменно намекали друг другу на некомпетентность С. А. Лозовского [7, с. 183-184].

15 октября 1941 г., когда в ходе боевых действий под Москвой сложилась критическая для советской стороны ситуация, некоторые члены Советского правительства, большая часть сотрудников НКВД во главе с первым заместителем народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинским, практически весь дипломатический корпус, а также инкоры направились в «запасную столицу» – Куйбышев.

Н. Г. Пальгунов довольно подробно описал в мемуарах далеко не благополучную ситуацию, в которой оказались инкоры по прибытии в Куйбышев. Этот город за годы советской власти превратился «из небольшого купеческого города Самары превратился в большой культурный центр», в котором имелись вузы, научные учреждения, музеи, театры, фабрики, заводы, многоэтажные жилые дома. В Куйбышеве велось большое строительство, но не создавали гостиничного комплекса. Правда, «сохранились старомодные гостиницы, отставшие от требований и вкусов времени, хотя и с хорошей кухней, богатым погребом и светлыми залами ресторана». Не привыкшие к такого рода неурядицам инкоры, как писал Н. Г. Пальгунов, «изнывали от скуки, изошрялись в колкостях по поводу их бытового устройства» (точнее, неурядицы), поскольку, например, в гостиницах было

недостаточно ваннх комнат. Они непрерывно «злословили друг о друге, острили по поводу жизни иностранной колонии», т.е. дипломатического корпуса. По определению Пальгунова, инкоры «все скопом ворчали на условия работы, якобы мешавшие свободному взлету литературных талантов людей, относящихся с симпатией к борьбе советского народа против фашистских поработителей» [11, с. 246].

Н. Г. Пальгунов даже образно изложил общую суть претензий иностранного журналистского пула в отношении Отдела печати: «Зачем вы [...] требуете от нас рабской точности в описании событий? Какая беда, если мы сообщим о приезде в Москву или Куйбышев того или иного государственного деятеля на день или два раньше его действительного приезда? Зачем всё время писать о боях? Разве мешает делу картинность освещения событий?» [11, с. 247].

Во всех подробностях, в основном, касавшихся бытовых условий и особенностей повседневной жизни, рассказали в мемуарах о своём пребывании в Куйбышеве в 1941–1943 гг. и иностранные журналисты. С особой иронией (и самоиронией) живописали они времяпрепровождение в «Гранд отеле», гостинице, где проживали, обедали и ужинали. Так, Эдди Гилмор следующим образом представил обстановку гостиничного номера, в котором его разместили: «Здесь стояли две старые железные кровати, сломанные в середине и провисавшие почти до пола. Не было никакой ванной комнаты и водопроводного крана. Два огромных двойных окна выходили на улицу, главную улицу Куйбышева. Они были покрыты льдом, и в свете единственной голой электрической лампочки, свисавшей с побеленного потолка, комната выглядела еще более холодной, чем это было на самом деле. И было холодно. Там был большой платяной шкаф, разбитый и искореженный, и два маленьких деревянных стола» [9, с. 49].

Вынужденная бездеятельность, которая буквально одолевала инкоров в Куйбышеве, была временно прервана на исходе 1941 г. В декабре, после начала контрнаступления Красной армии под Москвой, была организована поездка американских и английских инкоров на фронт, точнее, в прифронтовую зону, поскольку погодные условия (жесточайший мороз и обильные снежные заносы) крайне затрудняли продвижение журналистского эскорта.

Н. Г. Пальгунов вспоминал, с какими трудностями была сопряжена эта поистине уникальная операция. Было необходимо, прежде всего, договориться о допуске значительной группы штатских лиц (инкоров, переводчиков, сотрудников Отдела печати) в зону боевых действий, организовать их охрану, обеспечить не только возможности для наблюдения и обзора событий, но каким-нибудь жильем (что было крайне затруднительно во фронтовых условиях), а также питанием.

Передвигались инкоры в сопровождении советских представителей преимущественно по ночам (чтобы избежать бомбежки); обходя минные поля. Группа посетила Ржев, только что освобожденный Клин и ряд разрушенных в результате боевых действий населенных пунктов [11, с. 248-253].

Подробности этой поездки были отражены, в частности, в мемуарной литературе. Так, Генри Кэссиди вспоминал, как в первую ночь по прибытии в зону недавних боевых действий, недалеко от Каширы, один из автомобилей ЗИС, на котором инкоры и сопровождавшие их лица выехали из Москвы, застрял в дороге.

Всё происходившее далее Кэссиди описал с большой иронией. Пока водители обсуждали создавшиеся проблемы, связанные с выбором дальнейших действий, Н. Г. Пальгунов «своим безошибочным чутьем нашел еду в одном из темных, заколоченных домов»: «Он постучался, и после коротких переговоров нас пригласили в дом, оказавшийся рестораном. Внутри было светло, тепло и гостеприимно. Вокруг клубился пар от приготовленных для нас тарелок супа и тефтелей, а также готовящегося отварного

картофеля. На десерт Пальгунов, покопавшись в своем багаже, достал керамическую бутылку с ликером «Шартрез», которую мы с удовольствием распили за чаем» [9, с. 105].

К сожалению, эта поездка не принесла ожидаемых результатов в смысле получения инкорами эксклюзивной информации о наступлении Красной армии.

На обратном пути из Москвы в Куйбышев, 31 декабря 1941 г., заведующий Отделом печати НКВД имел не приятную для него беседу с инкорами, в которой участвовали Филипп Джордан, Альфред Чоллертон, Морис Ловелл, Ральф Паркер, Мак Лафлин, Роберт Магидов, Генри Кэссиди, Генри Шапиро, Вальтер Керр, Арчибалд Стил и Ларри Лазур. Как отмечал Пальгунов в служебном дневнике, представители СМИ союзных держав практически в один голос «повторяли утверждения, что в Куйбышеве иностранным корреспондентам нечего делать, что возвращение инкоров в Куйбышев равносильно смене ими активной деятельности на своего рода оранжерейное прозябание (sic – *В.Н.*)». Они настойчиво просили заведующего Отделом печати НКВД «в самое ближайшее время возвратить их в Москву на постоянное проживание».

Особенно эмоциональным выглядел пространный обличительный монолог Альфреда Чоллертона, которого Пальгунову порой даже приходилось одергивать. Британский журналист «с раздражением стал утверждать, что в Советском Союзе третируют иностранных корреспондентов, рассматривают их в качестве трюсов, не считаются с их профессиональными особенностями, заставляют жить вдали от подлинного центра страны, каким всегда была и продолжает оставаться всё время Москва». Чоллертон ссылаясь на мнение некоторых представителей дипломатического корпуса, которые «недовольны пребыванием иностранных корреспондентов в Куйбышеве и хотели бы, чтобы корреспонденты находились поближе к центру событий».

В завершение своего бурного монолога Альфред Чоллертон категорически заявил: «Лично я не поеду в Москву иначе, чем¹ на постоянное пребывание в ней. Я намерен отправиться в Тегеран к моему другу Булларду² [...], проведу у него месяц и затем вернусь не в Куйбышев, а в Москву. Если же корреспондентов заставят оставаться в Куйбышеве, я предпочту работать в Тегеране» [1, л. 149-152].

Н.Г. Пальгунов писал в мемуарах, что и после декабрьской поездки в прифронтовую зону «иностраные журналисты продолжали ворчать на отдел печати». Они якобы мешали «полету фантазии» инкоров, препятствуя тем самым распространению собственной советской пропаганды. В ответ, по словам Пальгунова, звучали уверения в том, что его сотрудники помогают иностранным журналистам облегчить условия их деятельности. Подобные «дискуссии» между руководством Отдела печати и инкорами периодически велись в том же духе и в дальнейшем [11, с. 252].

21 января 1942 г. по решению советской стороны инкоры были оставлены в Москве. Данное решение было встречено с одобрением, поскольку они обоснованно считали советскую столицу более комфортным для себя местом пребывания и получения информации, чем Куйбышев.

В то же время оставался актуальным вопрос о доступе иностранных журналистов к информации. 6 февраля 1942 г. Н. Г. Пальгунов имел беседу с Ф. Глаубауфом, который прибыл на прием с очередной жалобой. От имени инкоров Глаубауф заявил, что, находясь в Москве, они страдают от «вынужденного безделья», поскольку «за последние дни в советской печати помещается сравнительно мало обстоятельных корреспонденций с фронта». Помимо этого, представители СМИ союзных СССР держав испытывали чувство «известной досады», поскольку оказываются «обойденными» в доступе информации о положении на фронте в сравнении с советскими военкорами. Так, писатель Илья Эренбург,

¹ Так в документе. – *В.Н.*

² Буллард, Ридер, британский посланник (с 1942), посол (1943-1946) Великобритании в Иране. – *В.Н.*

сотрудничавший с ТАСС и Совинформбюро, одновременно состоял в штате агентства «Юнайтед Пресс», а также некоторых английских и американских газет, имел возможность посещать фронтовую зону «значительно чаще, чем это дозволено иностранным корреспондентам». Помимо прочего, иногда он прибывал на фронт на несколько дней раньше представителей СМИ союзных стран и тем самым получал необходимую информацию раньше, чем они. «В результате, – заключал Глаубауф, – работа иностранных корреспондентов оказывается мере обесцененной: ни одна газета и ни одно агентство не желает распространять телеграммы своих корреспондентов на ту тему, на которую уже были несколько дней раньше переданы сообщения Эренбурга через агентство “Юнайтед Пресс”» [3, л. 28].

Существовал еще один фактор, негативно отражавшийся как на взаимоотношениях между самими инкорами, так и между иностранными корреспондентами и Отделом печати НКВД. 4 марта 1942 г. корреспонденты агентства «Ассошиэйтед Пресс» Эдди Гилмор (в присутствии своего коллеги Роберта Магидова) во время беседы с Н. Г. Пальгуновым высказал претензии по поводу того, что Отдел печати осуществляет дискриминацию в отношении этого агентства. В ответ Пальгунов пытался объяснить Магидову: в его ведомстве установлен порядок, в силу которого информационные агентства пользуются рядом существенных преимуществ по сравнению с газетами. В частности, агентские телеграммы просматриваются цензорами вне очереди. Далее, разъяснял Н. Г. Пальгунов, «корреспонденты агентств приглашаются на все экскурсии и интервью, организованные Отделом печати». Однако, Отдел печати «не видит надобности привлекать корреспондентам телеграфных агентств к участию во встречах и беседах, организованных по индивидуальным запросам и обращениям отдельных корреспондентов газет, тем более, что очень часто такого рода запросы могут представлять интерес именно для тех изданий, представители которых с этими запросами [...] обращаются» [3, л. 73-74].

18 апреля 1942 г. Вальтер Керр прибыл к Н. Г. Пальгунову с очередной жалобой. Суть дела на сей раз состояла в том, что секретариат Отдела печати неравномерно распределял информационные материалы, «поступающие для иностранных корреспондентов по телетайпу». По словам Керра, сотрудники секретариата «не обеспечивают всех аккредитованных в Куйбышеве корреспондентов полученной из Москвы по телетайпу информацией в одно и то же время и создается положение, при котором корреспонденты телеграфных агентств оказываются в лучшем положении, чем специальные корреспонденты газет».

Пальгунов (уже в который раз) пытался оправдать подобные действия своих подчиненных. В то же время он указал на возможность того, что «некоторые корреспонденты просто раньше обращаются в Отдел печати за информационными материалами и тем самым оказываются в несколько преимущественном положении по сравнению со своими коллегами» [2, л. 34].

6 февраля 1942 г. Н. Г. Пальгунов сделал в служебном дневнике пространную запись, подводя итоги встреч с инкорами, проведенных в Москве в предыдущие три дня. Его собеседников интересовал «вопрос о дальнейшем регламенте» их работы в СССР. Особое внимание инкоров было сосредоточено на двух ключевых вопросах: 1) Когда именно они должны будут возвратиться в Куйбышев с тем, чтобы оттуда переехать, наконец, «в Москву на постоянное жительство в столице»; 2) Будет ли обеспечена иностранным корреспондентам, в особенности, специальным корреспондентам газет, «возможность совершать поездки по территории Советского Союза, посещать регулярно фронтовую зону, а также промышленные центры страны, поддерживать контакт с представителями советской общественности и получать интервью у последних».

В ответ Пальгунов указал инкорам: они были предупреждены заранее при отъезде из Куйбышева в Москву, что пребывание в столице рассчитано на 3-4 недели, и указанный срок будет соблюден.

Далее Н. Г. Пальгунов утверждал, что поездки инкоров во фронтовую зону «совершаются в последнее время довольно часто». Что касается возможности посещения промышленных центров СССР, подчеркнул он, то данный вопрос «может быть рассмотрен в будущем дополнительно».

В адрес Пальгунова был высказан ряд жалоб в связи с тем, что возглавляемый им Отдел печати не желает «удовлетворить некоторые справедливые профессиональные пожелания иностранных журналистов». Н. Г. Пальгунов изложил в служебном дневнике целый перечень просьб инкоров, на которые советская сторона ответила отказом.

Из этой записи следовало, что заведующий Отделом печати просто не имел компетенции решать большинство практических вопросов, которые ставили перед ним инкоры. Инициатива отказа в просьбах, формулируемых американскими и английскими журналистами, чаще всего принадлежала не ему.

Так, Лесур не сумел посетить среднюю школу: Московский отдел народного образования посчитал это посещение нецелесообразным, поскольку действовавшие школы работали «в обстановке большой скученности, неотопливаемых помещениях. По распоряжению А. С. Щербакова были отклонены следующие просьбы инкоров: о беседе с учеными, «заботящимися о сохранении тела В. И. Ленина; о встрече с председателем Моссовета В. П. Прониным; о посещении предприятий по ремонту захваченных у немцев трофейных машин. Также (согласно резолюции В. М. Молотова) не состоялся разговор по телефону одного из инкоров с комендантом Ленинграда и т.д. [3, л. 25-26].

На 25 марта 1942 г. было назначено время отъезда инкоров из Москвы в Куйбышев. В связи с этим среди них стал нарастать ропот. Некоторые журналисты союзных стран явно не желали уезжать из советской столицы, обосновывая эту задержку различными причинами. 24 марта к 11.00 они прибыли на встречу с Н. Г. Пальгуновым. В ходе этой встречи Ральф Паркер прямо заявил, что желает остаться в Москве еще на полмесяца и намеревается провести это время на положении лица, находящегося в отпуске, т.е. «не работая и не отправляя за границу телеграммы».

Довольно странно выглядела логика суждений Неглай Фарсона по поводу необходимости возвращения из Москвы с Куйбышев. Еще 2 марта 1942 г. он обратился к Н. Г. Пальгунову с необычной просьбой – «предоставить ему возможность в самое ближайшее время выехать для лечения на один из кавказских курортов – в Сочи, Батум или Сухум (sic – *В.Н.*)». Пальгунов записал тогда в служебном дневнике: «Фарсон мотивировал свою просьбу тем, что у него незаживающая рана, полученная во время мировой империалистической войны. Тепло и солнечная погода, будто, благотворно сказались бы на ходе лечения» [3, л. 71].

24 марта во время упомянутой встречи не довольных сообщением о необходимости возвращения из Москвы в Куйбышев американских и английских журналистов с Н. Г. Пальгуновым, Неглай Фарсон выступил с не менее странным заявлением: «Нам [инкорам] предложено завтра отправиться в Куйбышев, откуда совершенно невозможно давать исчерпывающую информацию о Советском Союзе. К тому же моя больная нога нуждается в лечении солнечными лучами, но мне не предоставлено возможности отправиться в какой-либо из черноморских портов. Поэтому, прошу Вас с первым же конвоем судов предоставить мне возможность выехать из Советского Союза».

Как всегда, показал свой характер Альфред Чоллертон, который в телефонном разговоре с Н. Г. Пальгуновым заявил, что инкоров «высылают» из Москвы в момент начала нового германского наступления, тем самым у редакций лондонских газет может создаться впечатление о лживости советской пропаганды. Уже в который раз Чоллертон

грозились, что, в силу своей болезни, немедленно отправится из Москвы в Тегеран. Пальгунову с трудом удалось сдержать этот натиск.

Однако на этом дело не кончилось. 11 инкоров, представлявших СМИ Великобритании и США, выступили с устным заявлением по поводу сложившейся ситуации. Суть его сводилась к тому, что, согласно прежним заявлениям А. С. Щербакова и С. А. Лозовского, никто не заставлял корреспондентов насильно покидать Москву. Недовольные просители выдвинули требование об организации Пальгуновым немедленной встречи с Щербаковым [3, л. 100-103].

В тот же день в 13.40 Н. Г. Пальгунов сообщил Роберту Магидову, «для передачи остальным иностранным корреспондентам, что просимая ими встреча с начальником Советского Информбюро тов. Щербаковым не может сегодня состояться, так как тов. Щербакова в данный момент нет в Москве. Тов. Щербаков выехал в область и вернется через несколько дней» [3, л. 105].

Так или иначе, находившиеся в Москве инкоры, в конце марта возвратились в Куйбышев.

Между тем недовольство инкоров своим положением и трудностями в доступе к информации в конечном счете вылилось в... написание доноса, автором которого оказался не «буржуазный» журналист (американец или англичанин), а коммунист Ф. Глаубауф. Глаубауф 10 апреля 1942 г. направил жалобу на имя А. С. Лозовского. Для начала, коминтерновский журналист отметил, что пресс-конференции для инкоров (которые проводил его адресат) «не могут подменить живого контакта с рядовыми советскими людьми». Глаубауф высказал претензию по поводу того, что Отдел печати НКВД не пропускает на Запад подготовленные инкорами телеграммы о трудностях, с которыми приходится встречаться советским людям в суровых военных условиях. В письме было упомянуто как о негативном факте и о бесконечных застольях, которые устраивались для инкоров во время поездок в прифронтовую зону. Коммунист-коминтерновец жаловался и на то, что знакомство инкоров с советскими людьми в Москве по существу ограничивается общением с женщинами легкого поведения. Вина за это, как следовало из упомянутого письма, также возлагалась на Пальгунова.

Ознакомившись с письмом Глаубауфа, Лозовский переправил его копию «наверх», на имя В. М. Молотова и А. С. Щербакова. Две недели спустя, 24 апреля 1942 г. от них был получен лаконичный ответ-рекомендация. Следовало дать возможность инкорам встречаться с советскими людьми, пускать на торжественные собрания, прекратить выпивки во время поездок на фронт. «Можно писать и о трудностях в СССР», – заключали Молотов и Щербаков [7, с. 185-188].

4. Заключение

Служебный дневник заведующего Отделом печати НКВД Н.Г. Пальгунова является ценным источником по истории политической повседневности одного из дипломатов, осуществлявших контакты с иностранными журналистами (инкорами), которые представляли СМИ (информационные агентства и газеты) стран антигитлеровской коалиции. В совокупности с другими источниками, в частности, с мемуарами Пальгунова, а также американских и британских журналистов, этот дневник позволяет представить всю палитру деловых и межличностных отношений союзников на информационном поле в начальный период Великой Отечественной войны. Деловые записи, в которых Н. Г. Пальгунов фиксировал содержание практически ежедневных бесед с инкорами во время их пребывания в Москве и Куйбышеве в 1941–1942 гг., раскрывают не только механизм действия советской цензуры в условиях войны, но и неоднозначную реакцию аккредитованных журналистов Великобритании и США на жесткие ограничения в доступе к информации. Служебный дневник Пальгунова, помимо прочего, содержит исчерпывающие сведения о конкретных инкорах, специфике их восприятия советской

действительности, наконец, о той роли которую играл его автор в процессе взаимодействия со СМИ союзных СССР держав.

В перспективе возможно более глубокое изучение этого источника с целью раскрытия таких сюжетов, как роль представителей высшего советского руководства (В. М. Молотова, А. С. Щербакова и других) в осуществлении контактов с инкорами, специфика взаимоотношений внутри иностранного журналистского пула в условиях войны.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. П. 6. Д. 58..
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 12. Д. 111
3. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 12. Д. 112.
4. Ассарсон, В. (1992). *1941 год. Московский дипломатический корпус в эвакуации* // *Международная жизнь*. 1992. № 1. С. 143-149.
5. Верт, А. (2001). *Россия в войне. Авторизованный перевод с английского*. М.: Воениздат, 664 с.
6. Воронин, А. Б. (2021). *Война и мир: журналисты и дипломаты в Москве летом и осенью 1941-го* // *Неприкосновенный запас*. № 3 (13). С. 65-101.
7. Голубев, А. В., Невежин, В. А. (2016). *Формирование образа Советской России в окружающем мире средств культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг.* М.: ИРИ РАН.
8. Круглак, Т. (1963). *Два лица ТАСС*. (2017). М.: Издательство иностранной литературы. 230 с.
9. Куйбышев как центр советско-американских отношений 1941–1943 гг.: сборник переводов иностранных документов / Сост. А. О. Буранок и др. Самара: ООО «Научно-технический центр». 182 с.
10. Орлова, Р. Д. (1993). *Воспоминания о непрошедшем времени*. М.: СП «Слово». 400 с.
11. Пальгунов Н. Г. (1964). *Тридцать лет. (Воспоминания журналиста и дипломата)*. М.: Политиздат. 351 с.
12. Советско-американские отношения. 1939-1945 (2004) / Отв. сост. Б. И. Жиляев, В. И. Савченко. М.: МФД. 791 с.
13. Улановская, Н., Улановская, М. (1995). *История одной семьи*. М.: Весь мир – ВИМО. 426 с.
14. Эренбург, И. Г. (1990). *Люди, годы, жизнь. Воспоминания. В 3 т. Издание исправленное и дополненное. Т. 2. Кн. 4,5*. М.: Советский писатель. 442 с.
15. Cocett R. В. «*In wartime every objective reporter should be shot*». *The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941—1945* // *Journal of contemporary history*. Vol. 23. London. P. 515-530.

References

1. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVP RF) [Archive of foreign policy of the Russian Federation (AFP RF)], f. 06, op. 3, d. 6, p. 58. (in Russian).
2. AFP RF, f. 06, op. 4, p. 12, d. 111. (in Russian).
3. AFP RF, f. 06. Op. 4, d. 112. (in Russian).
4. Assarson, V. (1992). *1941 god. Moskovskiy diplomaticheskiy korpus v evakuatsii* [1941. The Moscow Diplomatic Corps is being evacuated] In *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1, 143-149. (in Russian).

5. Vert, A. (2001). *Rossiya v voyne. Avtorizovanny perevod s angliyskogo* [Russia is at war. Authorized translation from English.]. Moscow, Voenizdat. (in Russian).
6. Voronin, A. B. (2021). *Voyna i mir: zhurnalisty i diplomaty v Moskve letom i osen'yu 1941-go* [War and peace: journalists and diplomats in Moscow in the summer and autumn of 1941] In *Neprikosnovenny zapas*, 3 (13), 65-101. (in Russian).
7. Golubev, A. V., Nevezhin V. A. (2016). *Formirovaniye obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstv kul'turnoy diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-kh gg.* [The formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy, the 1920s - the first half of the 1940s.]. Moscow, IRI RAN Publ. (in Russian).
8. Kruglak, T. (1963). *Dva litsa TASS* [Two faces TASS]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (in Russian).
9. Orlova, R. D. (1993). *Vospominaniya o neproshedshem vremeni* [Memories of the past time]. Moscow, Slovo Publ. (in Russian).
10. Pal'gunov, N. G. (1964). *Tridtsat' let. (Vospominaniya zhurnalista i diplomata)* [Thirty years. (Memoirs of a journalist and a diplomat)]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
11. Ulanovskaya, N., Ulanovskaya, M. (1995). *Istoriya odnoy sem'I* [The story of one family]. Moscow, Ves' mir – VIMO Publ. (in Russian).
12. Erenburg, I. G. (1990). *Lyudi, gody, zhizn'. Vospominaniya* [People, years, life. Memories]. V 3 t. Izdaniye ispravlennoye i dopolnennoye, 2, 4. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).
13. Cocett, R. B. (1988). «*In wartime every objective reporter should be shot*». *The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941–1945*. In *Journal of contemporary history*, 23. London, 515-530. (in English).